

80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf (дата обращения: 26.02.2023)

Пелипенко, 2012 – *Пелипенко А.А.* Культура и смысл. М. : РОССПЭН, 2012. 608 с.

Проекты, 2017 – *Проекты и риски будущего*: Концепции, модели, инструменты, прогнозы / под ред. А. А. Акаева [и др.]. М.: Красанд, 2017. 432 с.

Хайтун, 2005 – *Хайтун С.Д.* Человечество на фоне универсальной эволюции: сценарии энергетического будущего // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 90–105.

Хиггинс, 1990 – *Хиггинс Р.* Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 495 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/8977563/> (дата обращения: 10.03.2023)

Polac, 1971 – *Polac Fr.* Prognostics. Amsterdam, 1971. 350 p.

УДК 177.7

Поздняков А. А.,

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Орловский государственный институт культуры*

Идея «общественного блага» и подлинные основания доброделания в философии П. Е. Астафьева

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-3-38-46

Автор анализирует некоторые аспекты философии П. Е. Астафьева, имеющие отношение к нравственному измерению человеческого бытия. «Общественное благо» рассматривается как ценность второстепенная. Любовь предстает как высшая ценность, как единство идеализации объекта, веры в него и влечения к нему.

Ключевые слова: общественное благо, рациональная мораль, воля, разум и чувство, любовь, П. Е. Астафьев.

Pozdnyakov A. A.,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian
Disciplines, Oryol State Institute of Culture*

The idea of the "public good" and the true foundations of good-doing in the philosophy of P. E. Astafiev

The author analyzes some aspects of P. E. Astafiev's philosophy related to the moral dimension of human existence. The "public good" is regarded as a secondary value. Love appears as the highest value, as a unity of idealization of the object, faith in it and attraction to it.

Keywords: *public good, rational morality, will, reason and feeling, love, P. E. Astafiev.*

Философская антропология как особое направление исследований появилась достаточно поздно, но, очевидно, что человеку интересен он сам и ему подобные. В широком смысле слова, антропология, не в качестве философской или научной дисциплины, но в форме мифа, религиозной доктрины, образов искусства, – вечный спутник человечества.

«Антропоцентризм» считается специфической чертой Нового времени и одной из характеристик философии современности. Интерес к человеку порождает целый спектр учений, претендующих на раскрытие его «сущности», «природы», если таковая, в принципе, признается исследователем. Человек обожествляется, или превращается в материал для сверхчеловека, или растворяется в структурах культуры – общества, языка, информации.

Взгляд на человека как на «образ и подобие» уже мало кого удовлетворяет. Христианское видение человека как свободно-разумной личности, призванной к обретению благой вечности, уже не является общепринятым и нуждается в защите.

В русской философии мы находим немало ярких мыслителей, отстаивающих средствами избранной ими формы интеллектуальной деятельности вечную правду христианства. «Метафизический персонализм» – одно из таких направлений. Ярким представителем его является П. Е. Астафьев. «Он предложил глубоко оригинальную идею субъекта как целостного жизненного акта... Он сумел если не раскрыть до конца, то приоткрыть великую тайну свободы воли... Он постиг самую суть любви как своего рода жертвенного эгоизма... Но своим самым важным достижением Астафьев считал не тот или иной частный результат, а обоснование идеи, согласно которой только внутренний опыт может (и потому должен) стать фундаментом общечеловеческого мировоззрения», – пишет Н. П. Ильин [Ильин, 2019: 8 - 9].

Собственно, предметом нашего исследования является «метафизический персонализм» П. Е. Астафьева как форма философской апологии христианского взгляда на человека. «Самостоянье» свободной личности перед лицом механистически обусловленной реальности внешнего мира и претендующей на контроль над деятельностью индивида социальной машинерии. Любовь как

высшая форма самовыражения и подлинные основания «нравственного закона» как путь к здоровой социальности.

Основным методом нашей работы является историко-философская реконструкция, призванная актуализировать идеи и смыслы философии «метафизического персонализма». Наследие П. Е. Астафьева привлекает внимание все большего количества исследователей. Отметим работы Н. П. Ильина, М. А. Прасолова, Н. К. Гаврюшина, на выводы которых мы, в значительной мере, опирались [Ильин, 2019; Гаврюшин, 2010; Прасолов, 2019].

Задача философии – определить надежные, самоочевидные основания знания. Таким основанием не может быть объект, непосредственно мы знаем только себя, свой внутренний мир. Именно субъект выступает у П. Е. Астафьева как «истинно-сущее» или «самосущее». «Объективное» познание всегда феноменально, мы имеем дело с явлением, ставшим содержанием нашего сознания. Описание внешней действительности может носить исключительно механистический характер. Строго говоря, существуют два вида внутреннего опыта. Один направлен на объект и носит феноменальный характер. Другой, внутренний опыт «в тесном смысле слова», есть знание непосредственное, субстанциальное. Феномен предполагает связку: субъект – объект. Внутренний опыт носит принципиально иной характер, «он – не зритель событий психической жизни, но фактор, дающий им самое их бытие» [Астафьев, 1893: 158].

«Внутренно-ведомая себя» жизнь есть первый и важнейший факт, на котором строится дальнейшая система рассуждений. Только с этой позиции имеет смысл говорить о свободно-разумной личности и, следовательно, ставить вопросы этического характера. «В факте внутреннего опыта, в познании субъектом самого себя, Астафьев открывает знание метафизическое, яркий просвет в область трансцендентного мира, почву для религиозных отношений к нему и философского постижения его», – комментирует свящ. С. Розанов [Розанов, 1894: 42].

Основа внутреннего опыта – усилие и напряжение. Именно они определяют «самочувствие» любого живого существа. Сознательно-волевое усилие и разумная деятельность – прерогатива человека. В этом случае открывается возможность рассуждать о свободе, а значит, о нравственном измерении бытия. В механистически детерминированном мире объектов свободы быть не может. Человек, сознающий себя свободным существом и на этом основании строящий свою деятельность, в самом этом акте утверждает свободу. «В личном сознании только, поэтому, может быть дана его свобода как действительный факт, и отрицать этот факт как действительный, потому что он не дан вне личного сознания, возможно только отрицая действительность личного сознания», – утверждает П. Е. Астафьев [Астафьев, 1897: 116].

Итак, разумно-свободная деятельность осуществляется в контакте с другими субъектами и предполагает определенную систему ценностей.

Довольно сложно представить себе человека, общество, культуру вне идеальных оснований жизни, ими утверждаемых. Впрочем, современное человечество, а речь идет о второй половине XIX в. и «западном мире», а также о «русском мире» в их отношениях притяжения-отталкивания, по мнению П. Е. Астафьева, весьма далеко продвинулось в деле нигилистического отрицания ценностей прошлого.

Что же им противопоставлено? Рассудочные, искусственно сформулированные основания личного и социального бытия. Высшей ценностью в этой, как кажется ее авторам, сугубо рациональной системе, является идея «общественного блага».

Идея эта носит характер чисто утилитарный, общий, условный и безличный. Что, собственно, мы называем «общественным благом»? Внешние условия реализации человеком своих интересов, «благо общественного союза, внутренняя и внешняя крепость ... внешней организации общей жизни граждан» [Астафьев, 1892: 9]. Речь может идти о более или менее эффективном функционировании социальной машины, о сферах политики и экономики (т. е. вещах вполне утилитарных), требовать в отношении к ним от человека любви, альтруизма или жертвенности нет оснований. «Общественное благо» подразумевает формальную справедливость, но не любовь. Указывает на необходимость соответствия поведения индивида принятым нормам, но не претендует на сердце человека. Если же человек призывается к полной самоотдаче, ему вряд ли для этого достаточно идеи «общественного блага».

Таким образом, с точки зрения П. Е. Астафьева, мы свидетели трансформации традиционной для христианского человечества иерархии ценностей. Результатом этого длительного процесса (который в ярких формах мы застаем уже в XVIII в.) является новая интерпретация задач важнейших институтов культуры. П. Е. Астафьев имеет в виду, прежде всего, науку, искусство и нравственность. Цель науки сводится к практической пользе, увеличению жизненных удобств. Поиск истины как таковой отступает на второй план. Искусство, на которое возложена обязанность служить «общественному благу», страдает тенденциозностью. Вместо творчества «по законам красоты» мы часто имеем плохую проповедь социальных и политических программ. Даже в сфере нравственности эпоха, в лице своих типичных представителей, ищет пользы и не более того.

Везде мы видим торжество внешнего начала над человеком внутренним с его идеальными мотивами. Особенно ненормальное положение вынуждена занять религия. Пристроить религию к решению задач социальной прагматики можно только путем уничтожения ее смыслового ядра. «Религиозного настроения и спасения не существует без самоотверженной деятельной любви к Богу и людям... Без этой любви и самые даже полезные для окружающих людей поступки наши не имеют, при всей своей полезности, религиозной ценности», – считает П. Е. Астафьев [Астафьев, 1892: 17]. Любовь к «духовным существам» и деятельность сугубо утилитарная не находятся в прямой связи

друг с другом. Взаимная польза не предполагает сердечной привязанности и глубокого чувства.

Идея «общественного блага», как уже отмечалось, претендует на главенство не только в сфере нравственности, но и в иных областях культуры. Претензия, по мнению П. Е. Астафьева, не имеющая под собой серьезных оснований. Достижение «общественного блага», конечно, может быть целью достойных поступков, но не может быть «верховным началом» и основным «принципом деятельности».

Подлинные «начала» деятельности того или иного рода целиком определяют ее ход и результаты. Так, поиск истины, даже если она не обретается в полной мере, ведет нас все-таки именно в этом направлении, вне зависимости от побочных результатов (пользы или вреда, например), так же, как стремление к прекрасному или добру полностью предопределено этим первоначальным импульсом. «Поэтому деятельность, – руководимая принципом, который сам себе цель и ею осуществляется, – неизбежно и определена и внутренне целесообразна», – заключает П. Е. Астафьев [Астафьев, 1892: 24].

Иначе обстоит дело с «общественным благом». Мы можем ставить себе соответствующую цель, но методы ее достижения вовсе не очевидны и требуют дополнительного поиска и обоснования. Если, сверх того, не учитываются высшие начала истины, добра и красоты, средства могут оказаться ужасающими. Признанное в качестве верховной цели деятельности «общественное благо» подавляет, если не уничтожает, ценности иного порядка, расстраивая самые основы органического жизненного уклада.

Сама по себе эта идея может получать различную интерпретацию и, следовательно, требует системы доказательств, целого продуманного мировоззрения. Такого рода интеллектуальные конструкции чаще всего носят весьма искусственный характер и не обладают силой очевидности и всеобщей убедительности.

Одна из важных особенностей сознательной человеческой активности – это ориентация на закон, обязательное общее правило. Только такого рода действия, а не инстинкты и механические привычки, подлежат моральной оценке. Закон должен осознаваться как обязательный, всеобщий и единый по своему основанию. Наличие этих признаков дает возможность относить то или иное мировоззрение к нравственной сфере.

Не всякое теоретически убедительное положение является руководящим принципом для нашей воли. Логически непротиворечивое суждение признается умом, но для нравственного деяния необходимо и побуждение воли к энергичному действию. Умопостигаемые истины должны еще соединиться с душевным волнением.

Ближайшим источником такого волнения являются ощущения. Причем, в наибольшей степени «мышечное чувство», затем обоняние и вкус, и только потом зрение и слух. Восприятие, представление и понятие, относящиеся к предметному знанию, не обладают силой непосредственного возбуждения.

Чисто умственное движение наименее волнительно и наиболее бесстрастно. Без сердечного принятия (а сердце и чисто физически отзывается на различные жизненные обстоятельства, например, ускоряется и замедляется сердцебиение) закон еще очень далек от исполнения.

Рационалистическая мораль имеет отношение к внешней дисциплине и не более того. Это мораль отрицательная, запретительная, пассивная, «ветхозаветная». Положительная, «новозаветная» мораль предполагает деятельную любовь.

Душевная жизнь описывается П. Е. Астафьевым, в духе своего времени, как единство ума, воли и чувства. Всякое наше переживание включает в себя всю полноту душевных способностей (психический спектр). «Говоря строго, нет состояний сознательной жизни безразличных логически, этически, эстетически и т. д., точно также, как нет и состояний этой жизни безразличных эвдемонологически», – комментирует А. И. Введенский [Введенский, 1893: 561 - 562]. Однако философы и психологи нередко отдают первенство той или иной из душевных способностей. П. Е. Астафьев присоединяется к той группе мыслителей, которые убеждены, что и познавательные процессы, и состояния чувства определяются «волевыми движениями».

Напряжение воли простирается от элементарных мускульных усилий и определяемых ими первичных ощущений до напряженного внимания, восприятия, памяти и далее до образования понятий и умозаключений. Есть резон «в воле и ее условиях видеть основу душевной жизни вообще и жизни чувства в особенности» [Астафьев, 1886: 33].

Посмотрим, как соотносятся интеллект, чувство и воля. Мы имеем, во-первых, постоянство и «возрастающую общность» познавательных форм с одной стороны, изменчивость и совершенную индивидуальность чувств, с другой. Во-вторых, несовместимость противоположных чувств и спокойное сосуществование противоположных понятий. В-третьих, отражение чувств в движениях и отсутствие такового при интеллектуальной деятельности. В-четвертых, обратное отношение эмоциональности и осознанности переживаний. «Чувство оказывалось везде прямо пропорционально энергии, напряженности, деятельному характеру воли и оба, т. е. и чувство и воля – обратно пропорциональны чисто познавательному характеру всех образований интеллекта», – резюмирует П. Е. Астафьев [Астафьев, 1886: 41].

Наибольшей ценностью для нас обладает чувство любви. В нем нам открывается индивидуально-конкретный объект, одновременно сходный с нами и отличный от нас, в нем мы достигаем наибольшей степени страстности и напряжения воли, самого интенсивного самочувствия, самооценности и осознания ценности иного.

Любовь предполагает деятельную волю, но при этом мотивы влечения не вполне сознаются нами и цели тоже ясно не определены. В любви мы находим идеализацию объекта, веру в него и влечение к нему.

Одним из условий любви П. Е. Астафьев считает неравенство. Идея схождения-различия уже предполагает некоторое неравенство. В субъекте

осознание этого факта приводит к подъему самочувствия, ощущению большей ценности собственного бытия. По отношению к объекту неравенство предполагает идеализацию в двух направлениях: либо особенной малости и хрупкости объекта, провоцирующих нежную заботу, либо особой великости, силы и красоты, порождающих восторг, удивление и уважение.

Относительное равенство мы наблюдаем в дружбе. Дружба устанавливается как равноценное партнерство по мере узнавания интересов, привычек, психологических особенностей приятеля. Чем больше общих интересов, тем лучше. Дружба предполагает знание, любовь – горячую веру. Дружба не нуждается в идеализации, любовь без нее не существует. Любовь носит более страстный и деятельный характер.

Любим мы «ни за что». Никакие утилитарные мотивы не в состоянии объяснить нашего чувства. Даже страдания и жертвы во имя любви усиливают ее, а не гасят. «Таким образом, не в наслаждениях, не в пользе и жизненных удобствах, доставляемых нам разными предметами и лицами, источник, из которого зарождается любовь к ним», – пишет П. Е. Астафьев [Астафьев, 1886: 59]. Любим мы не от «нищеты и скудости», не из расчета восполнить недостаток, но от «полноты и богатства» нашей внутренней жизни.

Идеализация предмета любви, вера в него и влечение к нему открывают нам такие стороны его бытия, которые не доступны равнодушному взгляду. Любима не та или иная сторона его, но человек в полноте и целостности. Дружба или сострадание возникают всегда по какому-то определенному поводу. Скажем, дружба может сложиться на почве общих профессиональных интересов или общего хобби. Сострадание предполагает вид мучений живого существа, с которым мы в какой-то степени сознаем свое родство, близость. Сострадание не ведет к идеализации объекта, не предполагает влечения, не требует «деятельного общения воль». Специального повода для возникновения любви нет, точнее, они бесконечно разнообразны. В конечном итоге, любовь есть наиболее совершенная из возможных форма проявления внутреннего богатства личности, деятельного самовыражения и реализация «коренных жизненных стремлений».

Половая любовь, в свете сказанного, уже не может быть сведена к инстинкту сохранения рода, но относится к самым глубоким аспектам личного бытия, обнаруживает стремление к «полноте и энергии самочувствия, самосознания».

Поскольку любовь требует «всестороннего общения воль», она носит исключительный характер. Она ревнива и не допускает «совместничества». Требует полной самоотдачи и потому нацелена скорее на то, чтобы делиться, а не брать. Дружба без взаимности – бессмыслица, любовь вполне возможна. Сама интенсивность чувства делает его для любящего обязательным. Сострадание исчезает вместе с поводом к нему, в дружеских отношениях мы чувствуем себя вполне свободными, только любовь, пока она существует, утверждает неразрывность и обязательность.

Формирование самосознания предполагает включенность в социальные связи, общение. Соответственно, наибольшая глубина и богатство общения должны вести к повышению уровня самосознания и сознания «ценности своего бытия».

Любовь есть чувство активное и деятельное, стремящееся себя выразить. Выраженное чувство имеет заразительный характер. Заразительными могут быть страх и отвага, восторг и отчаяние. Любовь также способна вызывать ответную симпатию. Существуют самые разные психофизиологические формы выражения чувства, но наибольшее значение имеет непосредственный контакт, осязание, «определенные мускульные чувства».

Одним из важных субъективных условий зарождения любви является сила и сознание своей силы. Люди, остро переживающие свое бессилие (в самых разных его вариантах) мало способны и возбуждать соответствующие чувства со стороны окружающих, и дарить их. Не самодовольство и эгоизм имеются в виду, а именно щедрая, способная отдавать и жертвовать сила.

Как видим, любовь охватывает все стороны личного бытия и является причиной наивысшего напряжения воли и, следовательно, самой интенсивной деятельности. Только такое чувство может быть «необходимым основанием положительной нравственности». Побуждать волю к жизненному воплощению убедительных для мысли положений рациональной морали.

В то же время, уже был отмечен исключительный характер страсти. Любовь и жертвенна, и эгоистична, предполагает полное сосредоточение на своем объекте и полное же отдавание себя ему. Половая любовь, родительская, любовь к родине одинаково исключительны и эгоистичны. Она объединяет, создает теснейший союз, но и разделяет, разъединяет, противопоставляет «одну семью, одну национальность, одно мировоззрение – другим семьям, национальностям и мировоззрениям» [Астафьев, 1886: 74].

Нравственный закон, как мы помним, должен носить всеобщий характер, следовательно, он отвергает исключительность. Существует ли возможность разрешить данное противоречие? История философия знает два основных решения – любовь к человечеству и любовь к Богу.

Любовь к человечеству, по мнению П. Е. Астафьева, это пустая и безжизненная абстракция. Формула, искусственно сконструированная в философской лаборатории. Человечество не тот индивидуализированный объект, на котором могут сосредоточиться наши душевные силы, к которому можно испытывать влечение. Любовь предполагает конкретный объект со своими характерными чертами. Невозможно со стороны человечества и ответное чувство, и «общение воль».

Но есть иной путь – любовь к Богу. Любовь к Спасителю и исполнение Его заповедей есть также и служение человечеству (только в этом случае оно имеет смысл). Все те присущие чувству любви особенности, которые были отмечены, являют себя и в любви к Богу. Здесь есть конкретный предмет чувства – личность Спасителя. «Здесь до высочайшей, несравнимой в земных чувствах степени доходит и идеализация предмета чувства, как Высочайшего и

Единственного, – и вера в него, наиболее свободная, наименее вынужденная у души случайными условиями ее внешней обстановки... Отсюда и превосходнейшая степень влечения и стремления к наиболее беззаветному, полному и всестороннему общению с недостижимым Предметом любви», – пишет П. Е. Астафьев [Астафьев, 1886: 83].

Если «положительная мораль» невозможна без деятельной любви, то ее единственным надежным основанием может быть только «положительная религия».

Список литературы

Астафьев, 1893 – *Астафьев П. Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения. (Опыт начал критической монадологии). М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1893. 207 с.

Астафьев, 1892 – *Астафьев П. Е.* Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни. (Популярный очерк). Москва: Типография П. Е. Астафьева, Арбат, д. Платонова, 1892. 38 с.

Астафьев, 1897 – *Астафьев П. Е.* Опыт о свободе воли. (Из посмертных рукописей). М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1897. 118 с.

Астафьев, 1886 – *Астафьев П. Е.* Чувство как нравственное начало. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, Остоженка, Савелов пер., д. Снегиревой, 1886. 84 с.

Введенский, 1893 – *Введенский А. И.* Петр Евгеньевич Астафьев. Характеристика его философских и публицистических взглядов // Богословский вестник. 1893. Т. 2. № 6. С. 554-571.

Гаврюшин, 2010 – *Гаврюшин Н. К.* «Болен именно внутренний человек»: философская антропология П. Е. Астафьева // Н. К. Гаврюшин. Этюды о разумной вере. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. 656 с.

Ильин, 2019 – *Ильин Н. П.* Истина и душа. Философско-психологическое учение П. Е. Астафьева в связи с его национально-государственными воззрениями. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с.

Прасолов, 2019 – *Прасолов М. А.* Русский метафизический персонализм: проблемы интерпретации // Труды Воронежской духовной семинарии. – 2018. Выпуск 10. – Воронеж: Издательский отдел Воронежской духовной семинарии, 2019. – с. 37 – 77.

Розанов, 1894 – Свящ. Сергей Розанов. Религиозно-философские принципы П. Е. Астафьева. (К характеристике современного религиозного движения) // Вера и Разум. Журнал богословско-философский, издаваемый при Харьковской духовной семинарии. 1894. Т. II. – Ч. I. Отдел философский. С. 25 – 48, 70 – 102. Харьков, Типография Губернского Правления.